

47. Жебелев С.А. Творчество Фукидида. В кн. Фукидид «История». Т. II, С. VIII.

О.В. Харитонова

**ПО СЛЕДАМ ЖИТИЙНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ:
ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
В АГИОГРАФИЧЕСКОМ ТРУДЕ
ДИМИТРИЯ РОСТОВСКОГО**

Изучения исторического сознания как составляющего коллективных и индивидуальных представлений является перспективным направлением современной историографии интеллектуальной истории, ведь ключ к пониманию событий современности и будущего лежит через осознание, осмысление прошлого. Существуют различные подходы к определению понятия «историческое сознание». По мнению Джона Тоша[1], «историческое сознание» следует отделять от социальной памяти, так как для коллективной памяти характерны те же искажения, что и для памяти индивидуальной. По его мнению, «социальная память» точно отражает радио популярного знания о прошлом.

Обществу необходимы свидетельства своего существования в прошлом, но ему требуется такая картина прошлого, которая служит объяснению и оправданию настоящего, часто за счет исторической достоверности. Коллективное историческое сознание представляет собой совокупность идей, взглядов и представлений, чувств и настроений, отражающих восприятие и оценку прошлого во всем многообразии. Историческое сознание охватывает и важные, и случайные события, впитывает в себя как систематизированную информацию, в основном через систему образования, так и неупорядоченную, через общедоступные средства информации и литературу, ориентация на которую определяется особым интересом личности. Немалую роль в функционировании исторического сознания играет случайная информация, частью опосредованная культурой окружающих, а также в известной мере традициями и обычаями.

Христианское видение истории было доминантой исторического сознания на протяжении долго периода средневековой и новой истории русского государства. Интеллектуальная история, писанная в университетах и читаемая с кафедр, была недоступной для большинства и оставалась сферой профессиональных интересов узкого круга лиц. Тогда как обыденные исторические представления формировались не под воздействием учености, а черпались из доступных источников, одними из которых можно назвать литургические тексты и житийные произведения. Подобная литература входила в обязательную духовную практику и становилась источником знаний, представлений и образов, оказывая заметное влияние на формирование русской ментальности. В русском обществе периода средневековой и новой истории не было не только принципиальных атеистов, но даже неверующих. В основе жизни – ежедневные богослужения, на которых читались неизменные тексты. Именно эти тексты, повторяемые изо дня в день и содержащие общие положения христианской веры и христианской истории, составляли основу обучения вере и грамоте. Из их числа следует выделить агиографические произведения, в которых содержались наиболее обширные исторические сведения.

В свое время еще В.О. Ключевский, которого называют основателем критического изучения агиобиографии, отвечал на вопрос о распространении житийной литературы в читающем обществе. Древнейшие жития в Северной Руси по происхождению и назначению своему были тесно связаны с церковной службой и распространялись среди церковнослужителей, а затем уже доносились до паствы. Начиная с XV в., часть русских житий сосредоточилась в Прологах. Осложняясь в содержании и расширяясь в объеме, Пролог превратился в Четьи-Минеи. Распространению различных церковных произведений содействовали церковные Соборы XVI в.[2]

Именем митрополита Макария начинают новую эпоху русской агиографии. По сообщению В.О. Ключевского, Минеи слагались более 20 лет XVI в. и были одним из

самых отважных мероприятий в древнерусской литературе[3]. В XVII в. Великие Минеи были положены в основу новых сборников – Минеи Четых Чудовских (1600), Минеи Германа Тудупова (1627–1632) и Минеи И.И. Милютина (1646–1654), а в конце XVII – начале XVIII в. – в основу Минеи, составленных митрополитом Димитрием Ростовским.

Некоторые из этих сборников уже рассматривались на предмет наличия исторических, географических и иных знаний, почерпнутых из греческих, римских и русских источников. Наиболее пристальное внимание уделяется изучению Минеи митрополита Макария. Исследование житийной литературы как исторического источника начинается в России в XIX в. Многие исследователи справедливо отмечают, что начало научной критики, было положено в работе знаменитого русского историка В.О. Ключевского «Древнерусские жития святых как исторический источник» (1871)[4].

Дореволюционная историография отмечена многообразием подходов к оценке агиографических произведений, о чем свидетельствует попытка создания историографии вопроса у исследователей разных поколений. Из числа наиболее известных исследователей можно назвать П.М. Строева, М.П. Погодина, Ф.И. Буслаева, К.Н. Бестужева-Рюмина, Е.Е. Голубинского, Д.И. Абрамовича, М. Пао-зерского и др.[5] Историки стремились увидеть в житиях исторический, репрезентативный источник, одновременно подвергая их критическому разбору. Однако житийные представления – это еще и источник для понимания того коллективного сознания, которое формировали эти произведения. Для историка может представлять особый интерес процесс формирования исторических представлений под воздействием житийной литературы, что мы нашли интересным продемонстрировать на примере сборника Димитрия Ростовского, менее изученного на предмет наличия исторических сведений[6].

Первая книга сокращенной редакции митрополита Дмитрия на сентябрь, октябрь и ноябрь была напечатана в 1689 г. Сразу после издания, несмотря на недовольство по ряду вопросов Патриарха Иоаки-

ма, Димитрий Ростовский приступил к написанию следующей книги на декабрь, январь и февраль. Она была издана уже в 1695 г. В предисловии ко второму изданию сообщается о поправках, которые необходимо внести в уже вышедшие Жития[7]. Третья книга была напечатана в 1700 г., последняя (четвертая) увидела свет в 1705 г., в бытность Димитрия в сане митрополита ростовского[8]. В собрании помещены жития святых, почитание которых принято по установившейся традиции, но большинство из них приведены в сокращенном виде. В предисловии к книге на декабрь повествуется о необходимости сокращенной редакции: с одной стороны, охватить все жития – задача невыполнимая в силу объемности, с другой – полные редакции (Великие Минеи), написанные столь пространно, не могут быть прочитаны за 2 или даже 3 дня[9]. Немалое значение имела здесь и та практическая цель, какую должны были осуществить Четьи Минеи. По сообщению архиепископа Антония Фялко, мысль об издании Житий возникла в Киеве и была вызвана нуждами Церкви. Надо было оградить православных от иностранных агиографических сочинений и дать им книгу, которая бы вошла в церковное употребление. Собранные в ней жития святых должны были прочитываться в церкви во время богослужения. Это обязывало к известной краткости, и поэтому святитель Димитрий, вместе с заботой о фактической полноте, должен был думать и о том, чтобы передать все события из жизни святого в небольшом рассказе, удобном для прочтения за один прием. Но то же самое чтение в церкви предъявляло к житиям и еще одно требование – строгой назидательности, душеполезности, чтобы читатели и слушатели получали от них такие же уроки, какие дает церковное Богослужение[10].

Жития списаны с большого числа источников, ссылка на которые приводится автором на полях текста. Применение термина «исторический источник» в современном понимании для агиографических произведений имеет ряд оговорок. Европейские агиобиографии опирались прежде всего на авторитетные источники, заслуживающие внимание авторов. Алену Лилльскому принадлежит ставшая крылатой фраза, что «у авторитета нос из воска, и форму его можно изменить в любую сторону»[11].

Репрезентативность источников для русских житийных произведений измерялась освещенностью русской православной церковью. Свидетельства прошлого это прежде всего сохранный мудрость, поэтому непременно

источником становились для писателей тексты Священного Писания. Преподобный Димитрий в предисловии к началу Миней просит своих читателей отметить и запомнить славных мужей: учителей, писателей, историков и повествователей[12]. «Помните наставники ваша, иже глаголаше вам слово Божие, их же взирающе на скончание жительства, подражайте вере их», – цитирует Димитрий Ростовский, послание к евреям апостола Павла.

В краткой редакции опорой служит «Ветхий Завет и Новый, Прологи и Синаксари, Миней печатные и Трифологи, Мартиролог или Мученикословие древнее, Патерик Печерский и иные отечники и четьи рукописанные». Особое место уделяется труду Симеона Метафраста, который часто цитируется, и его сообщения подчас являются более предпочтительными, когда встает вопрос о несогласовании источников. Так, в послесловии к житию пророка Даниила автор сообщает о разночтениях источников по вопросу о родстве Валтасара и Навуходоносора. В одних источниках Валтасар упоминается как сын Навуходоносора (автор приводит свидетельство Георгия Кедрина и «списанное в книгах в Паралепоменон»), у Симеона Метафраста говорится, что Валтасар внуком Навуходоносора нарицается. «И понеже история жития Даниилова взята от святого Симеона Метафраста, того убо zde и держимся...»[33].

Однако Димитрий Ростовский не находил ничего опасного в том, чтобы пользоваться трудами и латинских агиологов, и относился к ним с должным вниманием и уважением. Он, например, внес в списки учителей, писателей, историков и повествователей, по которым были составлены его Четьи Миней, блаженного Иеронима, отца римско-католической науки. Как на источник, он ссылался на «Римское мученикословие», которое несколько раз процитировал в своих Житиях. Так, в житии святой мученицы Феодосии, девицы Тирския (29 мая), митрополит приводит эпизод из «римского повествования», а житие в память блаженные отроковицы Музы привел «от Григория, Папы Римского книга 4, глава 17»[14]. Во многих местах Четьей Миней он изложил латинские, несогласные с право-

славным пониманием мнения о лицах и событиях, и в одних случаях спокойно опроверг их, в других – передал, как достойные внимания и веры. Сделанное 26 декабря, после жития святого Иосифа Обручника, замечание дает нам право предполагать, что в этом случае, а может быть, и во всех выше нами указанных, Леврентий Сурий, оставлен был потому, что его сказание проводило католические взгляды и не согласовывалось с православной традицией. Согласие с этой традицией являлось, следовательно, главным критерием при выборе и оценке заимствуемого у Сурия агиологического материала. Все, что хотя бы в незначительной степени уклонялось от нее, святитель отвергал, строго охраняя чистоту и неповрежденность предания Православной Церкви. Однако, отдавая дань уважения латинским агиографам и обильно черпая у них материал для своего труда, святитель Димитрий не оставил без внимания и славянскую агиографическую литературу.

Здесь же следует отметить и еще одну особенность отношения авторов к источникам. Необходимым условием для передачи жития (как и причисление к лику святых) является наличие чудес. В своей работе Димитрий Ростовский допускает не все сведения чудесного содержания. В житии преподобного отца Павла Дивейского от 15 января приведено сообщение о звере-человеке, которое якобы явилось преподобному Павлу, однако на полях сделано примечание – автор сообщает, что эта повесть мнится невероятной, отчего приведена отличными литератами[15].

Житийные произведения, собранные в сборнике Минеи Четьи, – это повествования, написанные на фоне древней и средневековой истории. Собственно история выступает в виде полотна, фона, который тщательно отбирался создателем из всех доступных ему источников. В своем труде Димитрий Ростовский не раз отмечает тот факт, что целью его была не передача достоверных исторических сведений, а поучение в вере на столь душеполезных примерах[16]. Однако, справедливости ради, следует отметить, что в его редакции Минеи Четьи исторические справки сопровождают читателя повсеместно. В житии Нестора – летописца российского митрополит Димитрий, приводя со-

держание Патерика Печерского, отмечает важность летописания и оставления событий истории для последующих поколений: «Всякая вещь, аще писанием утверждена не будет, в забытие и неведение приидет, якоже и о самом начале и первом строении мира, и о самом родоначальнике нашем Адаме, аще бы не Моисей Богом наречен, в книгах своих оставил нам, все бы то долгота времени покрыла аки тьма и в неведение привела»[17].

Следуя за Четвы Минеи митрополита Макария, соборание Димитрия Ростовского следует концепции всеобщей христианской истории, рядом с ветхозаветными пророками стоят святые в «земле русской просиявшие». Примечательно, что составитель объединяет в истории святых не только Восточной, но и Западной церкви, если таковые являются пример подражания. В житии за 18 февраля приведено сказание в память «иже во святых отца нашего Льва – Папы Римского», подвизавшегося на благо церкви во времена раннего Средневековья, и это не единственное свидетельство[18]. Однако повествования о Папах приводятся только до времени церковной Схизмы 1054 г.

Как уже отмечалось, Димитрий Ростовский не преследует цель создать историческое произведение, отчего внимание к хронологии является лишь средством сопровождения рассказа, помещением его в определенную историческую канву. Часть дат в житиях, сообщаются по обычной для церковных книг традиции от сотворения мира, в житиях же русских святых даты от Рождества Христова. Отдельные жития и вовсе не сопровождаются точным летоисчислением, иные же изобилуют относительно большим количеством дат. Судя по всему, указаны лишь те даты, которые есть в первоисточнике, при этом, если рассказ дополняется событиями не только древними, но и последующими, перевод дат от сотворения мира в Христианское летоисчисление не проводится. Особое место занимает подробная датировка чудодейственных событий. Так, весьма хронометричный рассказ приведен в сообщении «О честных мощах святой великомученицы Варвары», в котором сообщается 12 дат, – которых об известных исторических событиях, как правило, приводится от сотворения мира,

остальные повествуют точно (с указанием месяцев) о последующих чудодейственных событиях, бывших по обретенной мощей мученицы Варвары[19].

На начало первого дня сентября в книге дается подробное повествование «Слово в начало индикта», в котором читателям сообщаются сведения относительно календарей и летосчисления. Подробные рассказы знакомят с традицией начала летосчисления с седьмого месяца от ветхозаветных предписаний Моисея и по языческим римским традициям, от установления нового Индикта римского кесаря Августа, учрежденного в день победы над Антонием и Клеопатрой[20]. В конце повествования автор поучает о заблуждениях в отношении летосчисления, наставляя читателей в том, что индиктионы не всегда велись от сотворения мира, появились лишь при кесаре Августе и до него не упоминаются. Однако читателям еще предстоит встретиться с подробным объяснением о начале индиктиона. В начале жития за март имеется не менее объемное объяснение традиции летосчисления с марта. Рассказывая о библейской традиции начала нового года с марта, автор особенно отмечает причину несогласованности традиции и Священного Писания, поправляя свой рассказ «вины ради описанного в первой от сих трехмесячной книге». Март месяц представляется здесь как предваряющий самые важные библейские события: создание видимого мира, появление первого человека Адама, исход иудеев из Египта, нисхождение Святого Духа на Марию и распятие Христа. Но каким же образом принятое летосчисление неверным царем было принято у христиан? Жития повествуют о том, что у разных народов были и иные индиктионы: кто вел свои года от славных бывших деяний, кто от царствий и монархий (ассирийская, мидийская, вавилонская); иные от языческого «всемирного праздника олимпиады» или от основания Рима. Христиане же приняли начало года не от Августа, а от Константина, который утвердил свободу христианства после победы над Максентием[21].

В Минеях читатель может встретиться не только с привычными названиями месяцев, но и получить вполне исчерпывающие сведения о других календарных системах.

В завершении книги на май разъясняется содержание календаря эллино-римского (древнего), по сообщению автора приведенного для пояснения житий, как делали в своих житиях преподобный Макарий и Симеон Метафраст. Читатели узнают о том, что месяц эллино-римляне делили на три части, что было удобно для их быта, и о тех обычаях, которые совершались в каждый период, а также о происхождении их названий. Далее следуют разъяснения названий месяцев у иудеев и греков, приведенных в житиях, списанных по Евсевию Кессарийскому, сообщается и о том, что у иудеев до пленения Вавилонского март «нарицается первым месецем»[22]. По окончании Жития на май приведена специальная таблица, в которой сообщаются следующие названия (таблица дается с указанием дней в каждом месяце эллино-римского календаря и их соответствие еврейским, греческим и египетским названиям): септембрий (1-й), октобрий, новембрий, десембрий, януарий, февраль, март, апрелий, май, июний, июлий, август (церковно-славянский); иудейские месяцы: афаним (7-й), вул, хаслев, тивиф, севат, адар, авив (1-й месяц), ийар, сиван, тамуз, ав, зул; греческие – гарпеос (1-й месяц с сентября), ипрверетос, диос, апелиос, лидинеос, перитиос, дистрос, ксанфикос, артемисиос, десиос, панемос, лоос, а также египетские названия соответственно от 1-го месяца сентября – фофи, фаофи, афир, хоак, тиви, мехир, фаменоф, фармуфий, пахон, павни, эпифи месири. В житиях же преподобного Феодора и Марии Египетской за май есть упоминания египетского календаря. Димитрий Ростовский в окончании жития преподобного Феодора поясняет читателям, какие египетские названия соответствуют русскому месяцеслову, а также сообщает о том, что «египетских месяцев числа с нашими не сходны суть» и египетский сентябрь начинается с конца августа по русскому стилю.

Автор старается найти максимальное количество свидетельств об исторических личностях, коими, безусловно, считаются и все святые: «Аще при устех двою или треих всидетель, станет всяк глагол: яко рече сам содетель: кольми при тако многих быти то возможно, яко всякое слово тут зде неложно»[23]. Начало каждого жития предваряет

уведомление о правителях, в стране властвующих, а для большей достоверности часто можно встретить сравнения с другими странами и правителями. Но Минеи Четьи воздерживаются от картины истории власти. Если принять средневековое деление на молящихся, воюющих и трудящихся, то первенство в агиографической литературе, безусловно, отдается первым. Святые от ветхозаветных пророков до иноков имеют власть не только над умами пастырей, но и над царями. Мы часто можем прочитать истории, когда святые без страха предстают перед лицом даже самых грозных правителей. В упоминаемом ранее житии Папы Римского Льва, последний без страха предстает перед лицом грозного Аттилы, «коего бичом божьим называем», и речами своими приводит варвара в изумление, делая его кротким и воли святого послушным[24]. Тем же царям, кто не внемлет гласу святых, посланы будут свыше всевозможные бедствия и войны.

Главным достоинством любого правителя признается его православное веропочитание, благочестие и законность его нахождения на царском престоле. Но Димитрий Ростовский допускает мысль о возможности изменения власти, оправдывая это тем, что предыдущий правитель не был ревнителем веры. В этом случае праведной рукой, действующей по воле Господа становится либо народ, восхотевший праведного царя, либо иноземные правители и народы, посылаемые людям в назидание и наказание. Следует, правда, оговориться, что автор Житий склонен оправдывать «дворцовые перевороты» в одних случаях, как, например, в житии Константина Великого, и повествовать о них в ином свете. Так, в житии пророка Иеронима мы встречаем упоминание о том, что фараон египетский Нехао, начав поход против ассирийского владыки, был вынужден сразиться с царем Иудеи Иосием, не пожелавшим пропустить фараона через свои земли. После смерти на поле боя Иосии народ избрал его младшего сына Иоахаза, однако, возвращаясь в Египет, Нехао вновь завоевал Иудею, восстановив при этом на престоле старшего из братьев, дав ему новое имя Иоаким (как говорит автор, по тради-

ции – победитель переименовывает побежденного) и наложив большую дань на народ иудейский.

Жития повествуют о различиях, существующих в формах правления разных стран. В цитируемом ранее сказании о хазарах пишется: «Старейшина в них каган (иностранные летописцы нарицают хаган), нарицание же то каган, не имя человеку, а старейшинства титуло, яко же у нас царь или князь»[25]. После жития великомученицы Ирины (6 мая) имеется объяснение и различных терминов, обозначающих характер власти. Так, царь, упоминаемый как Ликиний, по сообщению авторов, – не есть император Константинопольский, а «царь единого града Магедон, Македонии сопредельного». Он ссылается на Писание, где принято именовать властителей каждого града царями, но по власти они есть «царики», и в прологе сей Ликиний упоминается как «василик», а не «василевс».

Историческая география Минеи Четьи переносит читателей в самые далекие уголки земли. Ближе всего к русскому государству расположен центр христианской веры – Константинополь – центр Града Божьего, ветхий Рим и Иерусалим. Однако в Минеях Четьих мы можем встретить описания городов христианских и в иных пределах, судя по всему, мало знакомых простому читателю. По окончании жития Пахомия Великого от 15 мая приводится описание по Патерику Египетскому (глава 5) града Оксирихос наполненного монашествующими как «внутри, так и вне окрест всюду иноческие келии». Тот город, некогда полный святилищ идольских, ныне, «велик и пространен, и многонароден, церквей в нем великих соборных есть двенадцать кроме монастырей... но ни врата градстии, ни столпы, ниже един который угол градстий обретается без монастырских жилищ». По сообщению автора, в том городе проживает иноков 10 тыс., инокень – 20 тыс., и этот город должен быть образцом для нынешних городов[26]. Интересно своей информативностью сообщение о взятии Вавилона и войнах Кира и Дария, приведенное в послесловии жития святого пророка Даниила от 17 декабря. Здесь автор приводит читателям разъяснение о том, что имелось два Вавилона, один в земле халдейской, другой же – в египет-

ской и ныне Каиром называется. Прекрасный старинный город (имеется в виду древний Вавилон халдейский) по описанию был непреступной крепостью: «имый стены каменная в высоту двести локоть, в ширину пятьдесят. Другии же глаголют, ако широта стен вавилонских была на семьдесят семь ступеней ножных, высота же пятьдесят сажений...»[27].

Минеи Четырех дают читателям представления о народах и их расселении в самых разных уголках известного «мира»: от Европы до Индии, где подвизались в провод христианские подвижники. Интересно сообщение о хазарах, приведенное после жития Кирилла и Мефодия: «Козары, их же греки хозарами нарицают, был народ скифский, языка славенского или российского: страна же их бе близ Меотийского озера, еже и Мертвым морем нарецается, в него же Дон река впадает». В этом пространном повествовании мы находим весьма интересные сообщения. Например, река Дон отделяет Европу от Азии, говорится также о «Полунощных странах»[28] и различных названиях морей и рек: Понт Эвксинский – Черное море, пролив Босфор, море Кимерийское, Каспийское или Хвалынское, Днепр и Волга. Сообщает автор о расселении различных народов. Первоначально в районе Меотийского озера проживали племена, от первого колена Иафетова – Гемера, отчего гемерами назывались (у греков кимеры, у русских цимбры), после расселившиеся в различные страны и к разным народам примешавшиеся (к литве, в жмодь, в готы). После них на этой территории появляется племя, первоначально называвшееся аланы, от гор Алланских, а позднее названных козары, от реки Козара. Последующее расселение хазар идет по разные стороны Дона: до Волги и Черного моря, до Панонии (где иное название получают – кто авары, кто гунны), а также до нынешнего Очакова и Белгорода. Хазары, по сообщению автора, народ грубый и чем-то татар напоминающий: жить в городах не желают, селятся без храмов, в шатрах и куцах, питаются зеленью и мясом, а «во бранях зело храбры и всем страшны». Далее следует повествование о крещении хазар, среди народов христианских проживающих, и об их подчинении грекам, вследствие примирения

тельного династического брака между сыном греческого царя Льва Константином Копронима и дочерью кагана, в крещении Ириной. Особое внимание автора в истории о хазарах занимает и тот факт, что у их сына Льва Козарина (хазарина) была супруга – Ирина, которая после смерти мужа привила при малолетнем наследнике. Она истребила в Константинополе ересь иконоборцев и установила Православие[29].

В этом и многих других примерах показано, что по воле Божьей, которая никому не ведома, для важных миссий могут предназначаться не только избранные Богом народы, первыми принявшие христианство, но и иные, некогда «дикие» способны быть предназначены к спасению и своему и веры. Иные же народы, христианства не принявшие, в Минеях получают самые не лестные отзывы. Особое отношение в житийной литературе к татарам, которые именуются агарянами «нечистивыми», это связано не только с различием веры, но и с той ролью, которую сыграли они в российской истории.

Географические представления дополняются рассказами о строении земли и подземного мира. Великие Минеи Четвы митрополита Макария включали в себя более подробные сведения и часто за информативность называются первой русской энциклопедией. Правда, Минеи Дмитрия Ростовского в этом отношении не богаты, но и здесь имеются отдельные рассказы. В житии Патрика, епископа прусского (судя по указаниям, составленного от греческих рукописей), читатели смогут найти описание тверди небесной и земной и рассказ о происхождении теплых вод, имеющих целительную силу. Преподобный Патрик в своей речи повествует, что огонь и вода есть первоначала, от огня Бог сотворил солнце и прочие святила, а от воды – твердь небесную и землю. «Есть же и над твердью небесною, також де и под землей огонь и вода: воду убо и на земли зримая, собранная в сонмы своя, наречена есть морем, а аже под землею, бездною именуется: от кое бездны на потребу живущим на земли человеком и всякому животному, воды, сквозь недра земная аки водными трубами посылаются в высоту, и на верх земли исходяще бывют ис-

точники и кладязи или реки». От тех же вод, что по мнению Патрика, к огню земному приближаются – истекают на землю теплые воды, а от тех, что под землей от огня далеко проистекают – на поверхность студеными поднимаются[30].

Эти и другие сведения энциклопедического характера развивали кругозор читателей, не всегда имеющих возможность получать обширное историческое знание. Каждое жизнеописание, помещаемое в историческое время и пространство, переносило читателей в «близкую» им по духу историю и служило назиданием для повседневности. Интересной особенностью Минеи является наличие весьма умеренной ностальгии по прошлому. Зачастую ностальгия как завуалированная форма исторического сознания есть ненадежный путеводитель по истории и основа для пессимизма и косности в настоящем. Поучительный, назидательный характер повествования предписывает ныне живущим брать себе в пример деяния и подвиги святости для реализации этих идеалов в обыденной жизни.

Конечно, тема формирования исторических представлений не ограничивается изучением одного агиографического произведения, однако приведенные в статье сведения вписываются в общую картину тех традиционных воззрений, которые дошли до нас как следы некогда бытовавшего общественного сознания. Житийные произведения Димитрия Ростовского, наряду с другими агиографическими произведениями Русской православной церкви, можно назвать трудами не только агиобиографического содержания, но и источниками формирования исторических представлений нескольких поколений православной паствы XVII–XIX вв.

Примечания:

1. *Тош Д.* Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / Пер. с англ. М., 2000. С.12–13
2. Цит. по репринтному изданию *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 2003. С.324–325.
3. Там же. С.190–200.
4. Там же.

5. Достаточно подробно составлен историографический обзор в работе *Гурова С.И.* О житиях святых как историческом источнике // История мысли: Сб. стат. Биографическая п.р. *Смирнова И.П.* М., 2002. С.93–117.

6. В диссертации Архиепископа Антония Фиалко «Святитель Дмитрий Ростовский и его пастырство» приведен список литературы, в котором указаны ряд исследований наследия пр. Дмитрия: *Аникеев П.* Святитель Димитрий Ростовский, как богослов и писатель // Церковные ведомости. 1909; *Державин А.* прот. Четии-Минеи святителя Димитрия, митрополита Ростовского, как церковно-исторический и литературный памятник. Т. 1, 2. Загорск, 1954 (машинопись); *Недосекин В.*, прот. Святой Димитрий, митрополит Ростовский, и его гомилетическое наследие. Загорск, 1970; *Нечаев В.* Святой Димитрий, митрополит Ростовский. М., 1849. *Первухин Н.* Святой Димитрий Ростовский как педагог // Ярославские епархиальные ведомости. 1902. № 10; Питирим (Старинский), иеродиак. Святой Димитрий Ростовский, его богословские труды и пастырская деятельность. Загорск, 1972 (машинопись); *Титов А.* Житие святого Димитрия, митрополита Ростовского. Ростов-Ярославский, 1902; *Полов М.* свящ. Святитель Димитрий Ростовский и его труды. СПб., 1910. (цит. по: интернет версии книги http://www.fialco.org/kniga/glava_5.htm).

7. Четьи Димитрия Ростовского. Т. 4, декабрь. М., 1897. С.3–5.

8. Предисловие к читателю // Минеи Четьи Димитрия Ростовского. Т. 1, сентябрь. М., 1897. С.23

9. Там же. С.6–7

10. Архиепископ Антоний Фиалко «Святитель Дмитрий Ростовский и его пастырство» // http://www.fialco.org/kniga/glava_5.htm

11. Цит. по: *Гофф Ж. де* Цивилизация средневеково Запада. М., 1990. С.386.

12. В работе дается подробный перечень «от них же книга та составися, сия суть». В первой книге за сентябрь, октябрь и ноябрь: Афанасий Великий, архиепископ Александрийский; Амвросий, архиепископ медиоланский; Афанасий Синаита; Афанасий Книгохранитель; Андрей Критский, епископ; Антоний, ученик Симеона Столпника; Василий Великий; Василий, епископ Селикии; Герман, патриарх Цареградский; Георгий, епископ Никомедийский; Георгий, архиепископ Александрийский; Георгий Кедрин, историк греческий; Григорий Беседовник, Папа Римский; Григорий, епископ Нисский, Григорий, епископ Тронский; Дионисий Ариопагит; Дородей, епископ Тирский; Евод, апостол от семидесяти, епископ Антиохийский; Евагрий схоластик; Евсевий

Еесарийский; Евфимий, еп. Тирновский; Епифаний еп. Кипрский; Ермий Созомен; Ефрем Сирин; Ааков, первый еп. Иерусалимский; Иаков дакон церкви Илиопольской; Иероним, учитель православный; Иона Златоуст; Иоан Дамаскин; Иоан лествичник; Иоанн преситер; Ипполит мученик; Иосиф Жидовин, древний историк; Кирилл Иерусалимский; Кирилл Ар. Александрийский; Кирилл монах; Киприан мученик; Климент и Лев, Папы Римские; Лев, царь премудрый; Леонтий, еп. Неапольский; Леонтий пресвитер; Макарий метр. Московский; Макарий, Феликс и Верий, граждане Тарсийстии; максим Исповедник, Михаил монах; Никифор Каллистов; Никифор пресвитер ц. Св. Софии; Павлин, пресв. Медиоланский; Палладий, еп. Еленопольский; Пантелеон, хартофилакс великия церкви; Петр Александрийский; пресвитеры и диаконы земаи Ахайтские; Прохор ап.; Руфин пресв; Симеон Метафраст; Сократ, схоласт Константинопольский; Софроний, патр. Иерусалимский; Тарасий, арх. Константинопольский; Тимофей арх. Александрийский; Филофей, патр. Константинопольский, Филипп, гражданин Медиоланский: Феодорит, еп. Кирский, Феофилакт, арх. Болгаркий // Минеи Четьи Димитрия Ростовского. Т. 1, сентябрь. М., 1897. С.11. В книгах за декабрь, март и июнь приводятся и дополнительные списки историков и списателей.

13. Там же. Т. 3, декабрь. М., 1897. С.393.

14. Там же. Т. 9, май. М., 1897.

15. Причина такого изъятия, к сожалению, не известна, так как автор не дает на сей счет пояснений, можно лишь предположить, что в источниках, которые легли в основу данного жития по этому вопросу такое же мнение (списано от Иеринима и Четьи) // Минеи Четьи Димитрия Ростовского. Т. 5, январь. М., 1897. С.287.

16. «Нам, – говорит он после сказания о поясе Богоматери (31 августа), – не подлежит нужда испытovati времена и лета, довлеет ведати чудо сотворшея и прославляти Божию Матерь». Этим и подобными замечаниями святитель явно показывает, что задача его труда состояла в назидании читателей, а не только в изложении исторических событий.

17. Житие Нестора, 27 октября, Минеи Четьи Димитрия Ростовского. Т. 2, октябрь. М., 1897.

18. В Житии упомянуто о нашествии князя гуннов Аттилы // Минеи Четьи Димитрия Ростовского. Т. 6, февраль. М., 1897. С.239.

19. Минеи Четьи Димитрия Ростовского. Т. 3, декабрь. М., 1897. С.84–92

20. Димитрий Ростовский приводит обоснование индикта используя Ветхий Завет: «Рече господь к Моисею, глаголя: рцы

сынам Израилевым глаголя: месяца седьмого, в первый день месяца, да будет вам покой, всякого дела работная не сотворите во всех селениях ваших, и принесите всесожжение Господу»... и далее: «Не точно ветхозаветное повеление, но и языческий индиктион от семптембрия месяца, перваго числа начинашеса». // Минеи Четьи Димитрия Ростовского. Т. 1, сентябрь. М., 1897. С.69–72.

21. Минеи Четьи Димитрия Ростовского. Т. 7, март. М., 1897. С.6–7.

22. Димитрий Ростовский призывает читающих упражняться в календарном знании // Там же. Т. 9, май. М., 1897. С.588–601.

23. Там же. Т. 1, сентябрь. С.13.

24. Там же. Т. 6, февраль. С.239–241.

25. Там же. Т. 9, май. С.280–281.

26. Там же. С.414–415.

27. Там же. Т. 3, декабрь. С.392–397.

28. Судя по всему, под этим названием подразумевается Северо-западная Европа, так далее в тексте имеется указание на расселение племен среди литвы, в жмодь и в готы.

29. Там же. С.281–282.

30. Вслед за греками Патрик, приводя примеры и от греческих стихотворцев повествует, что, под землей есть место, где особый холод - тартар именуемое, где все боги и поклонники – язычники смерть свою примут // Житие преп. Патрика Прусского. май. С.466–467.

В.В. Шапаренко

**ИСТОКИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ПАРАДИГМЫ:
ИСТОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ Н.Я. ДАНИЛЕВСКОГО
В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИЙ О. ШПЕНГЛЕРА, А. ТОЙНБИ
И С. ХАНТИНГТОНА**

Цивилизационное изучение истории является очень популярным исследовательским направлением современной науки. Отечественные гуманитарии, отказавшись в начале 1990-х гг. от «формационной» парадигмы истории, оказались в поиске новой теоретической концепции, способной заполнить идеологический и концептуальный вакуум. Однако цивилизационный подход не занял желаемого